

Нет, я не Мефистофель

Почти год назад популярный телеведущий Валдис ПЕЛЬШ возглавил дирекцию игровых и детских программ Первого канала.

Развлекательных передач в эфире с тех пор заметно прибавилось, и некоторые из них ведет сам Валдис. В свободное от съемок время он продолжает разрабатывать концепцию современного развлекательного вещания. Что ж, вся наша жизнь — игра...

— Валдис, вам как руководителю развлекательного вещания не кажется ли, что на Первом канале слишком много игровых программ?

— Я так не считаю. Нами разработана линейка игр, выходящих ежедневно в восемь вечера с понедельника по субботу. Таким образом, мы упрощаем зрителю отношения с Первым каналом, которому теперь не надо судорожно вспоминать, купил ли он свежую телепрограмму. Поскольку знает, когда надо включить телевизор, чтобы посмотреть какую-либо из наших игр. Что касается феномена игр, то они вечны. Сначала вся Москва играла в преферанс, потом в бильярд, потом в боулинг. Появилась мода играть на миллион, и все стали играть на миллион. Появилась мода играть на «средние», и возникло «Слабое звено».

— Ну а как же быть с играми, которые многие называют «заложки ближнего своего»? Разве «Слабое звено» и «Последний герой» этому не учат?

— Говорить о том, что «Слабое звено» учит подставлять ближнего, в России бессмысленно. В России бизнес был поставлен изначально на подставках ближнего, когда конкурентов убивали. Поэтому мы, наоборот, учимся на опыте наших доблестных олигархов. Мне кажется, зритель понимает, что это всего лишь игра на деньги на Первом канале. Представьте, что вы смотрите кино — некий экшн, снятый, допустим, в 1980-х и 2000-х годах. Фильм 80-х построен по одному принципу, в фильме 2000-го уже другой динамизм, спецэффекты и намного больше моментов, когда зритель вздра-

живает. Понятно, что и в телевизионной игре, использующей те же приемы, чтобы зацепить зрителя, необходимы все более сильные эффекты. Причем с каждой новой игрой нужно усиливать действенность приемов, которые мы применяем.

— Вам не кажется, что интеллектуальный и креативный уровень большинства отечественных развлекательных программ не слишком высок?

— У каждой программы есть свои задачи, «Властелин вкуса», например, который я веду, — это семейный утренний просмотр. Проснувшись воскресным утром, люди сначала смотрят «Негугуевые заметки» — ненавязчивую программу о путешествиях для людей среднего достатка, в которой нет путешествующих звезд, суперфешенебельных курортов, недоступных большинству граждан. Затем вместе с программой «Пока все дома» они оказываются в гостях у звезды. И после этого, как раз ко времени воскресного завтрака, Первый канал предлагает динамичное семейное шоу о кулинарии. Так что программа мне кажется вполне адекватной своей цели и положению в сетке.

— Вернемся к разговору о телевидении. Другая программа, которую вы ведете, — «Русская рулетка» — по сравнению с «Властелином» находится на противоположном полюсе телеигр. Как же ведущие двух таких разных программ в вас одном уживаются?

— Мне интересно делать и ту и другую игру. У меня нет четкой потребности вести какую-то добродушную, пушистую программу или, напротив, агрессивное шоу, в кото-

В.Пельш

ром люди попадают в экстремальные ситуации, и мне доставляет удовольствие их мучить. Правила «Русской рулетки» кажутся мне интересными. И я сильно удивился, когда узнал, что многие люди игру не смотрят, потому что переживают за исчезающих игроков. Когда мы адаптировали программу, то, наверное, не учли, насколько мощную позицию в русском менталитете занимает глобальная жалость к людям. Хотя, конечно, все понимают, что это игра, что ничего страшного ни с кем из игроков не происходит, но игру все равно не смотрят.

— А вы рассказываете об этом с таким удовольствием.

— Потому что на самом деле это веселая игра. И я не видел ни одного игрока, даже из выбывших на первых турах, которые затем пожалели бы, что приняли участие в этой игре.

— В «Рулетке» вы играете роль Мефистофеля, насколько она вам близка?

— Нет, что вы, никакой это не Мефистофель. В финале — да, соблазнять игрока: «Вы хотите уйти сейчас, забрав только 120 тысяч, конечно, ваше право, но миллион, ждущий вас миллион...» Но делаю это не потому, что мне нравится искушать человека и хохотать, после того как искушение погубило его карьеру в нашей игре. Таковы законы телевидения: зрителям интересно, чтобы игрок пошел до конца и сорвал банк. И нет, наверное, большего удовольствия у людей, сидящих по ту сторону экрана, когда они видят, что игрок, такой же простой человек, как и они, не побоялся, пошел до конца и его ставка сыграла.

— Как же тогда понимать ваши слова, что вам больше импонируют игроки, которые говорят своим соперникам: «Я вас всех, друзья-конкуренты, поубиваю, желаю провалиться вам в тартарары?»

— Таковы условия игры. Если вы играете в жмурки, конечно, можно тихо перемещаться по комнате, но это не так интересно, как дразнить водящего, хлопая ладонями перед его носом, манить его и в последний момент исчезать. Правила нашей игры — жесткая конкуренция, в которой люди должны сознавать, что побеждает только один, и здоровая спортивная злость и азарт, естественно, здесь базируются на подначивании конкурентов. Если вы пришли на игру, где требуется не только правильно отвечать на вопросы, но и соперничать со своими конкурентами, то не следует лукавить и изображать из себя человека, который всех жалеет и говорит: «Вы знаете, я так не хочу, чтобы вы провалились». Это попросту нечестно, или тогда сами отвечайте нарочито неправильно и проваливайтесь, если вам так жалко других. Каждый приходит в студию, чтобы выиграть, и это нормальная позиция, человек в любую игру играет с такой целью.

— А куда дальше идти? Теперь по ТВ осталось только показать са-

моубийство в прямом эфире.

— Лично у меня эта игра не ассоциируется с револьвером, приставленным к виску. Да, она чем-то напоминает старое развлечение, которым баловались во время Первой мировой войны русские офицеры в окопах. Но проводить прямую параллель неправильно.

— А вообще, на ваш взгляд, для выпускника философского факультета МГУ и затем научного сотрудника Института истории естествознания и техники АН СССР вести подобные телепрограммы не означает ли значительно понизить планку?

— Нет, мне интересно то, чем я занимаюсь. Я люблю приходить на свою работу в останкинский кабинет, а затем спускаться в павильон на съемки. Мне нравится, это мое.

— Но при этом не возникает ли ощущения, что вы себя растрчиваете попусту?

— Чтобы оценить истинность выбранного пути, необходима возможность прожить по разным направлениям пять — семь жизней и потом, подытожив каждый путь, выбрать наилучший. Я получаю удовольствие от своей работы много больше, чем будучи младшим научным сотрудником АН СССР, хотя и тогда в принципе занимался интересными вещами. Знаю, мне нужны другие эмоции, другая направленность, чем работа в академическом институте, так что сейчас я себя реализую здесь. Говорить, что научная работа — это действительно то, чем я в соответствии со своим образованием и призванием должен заниматься, было бы слишком категорично и ультимативно. Кроме того, развиваться интеллектуально и духовно, а также читать умные книги можно и в свободное от работы время.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото
Дмитрия КОРОБЕЙНИКОВА

Кувейт. — 1003 — 30 янв. — 5 февр. — с. 4

Пельш Валдис

5.02.03.

230